

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.485(6+24)+364(042+043.24)

Интеграционные аспекты социальной среды подростков из группы повышенного риска

Б. В. Сердюков

Городской центр социальных программ и профилактики
асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»,
Российская Федерация, 196070, Санкт-Петербург, ул. Фрунзе, 4

Для цитирования: *Сердюков Б. В.* Интеграционные аспекты социальной среды подростков из группы повышенного риска // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 174–199. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.205>

Социализация современных подростков проходит в условиях имманентно текущего кризиса социальной интеграции, в основе которого лежит прожитая в постперестроечный период и преобразовавшаяся в современных условиях социальная аномия. Подростки растут в отсутствии устоявшихся, однозначно трактуемых социокультурных комплексов, способных выступить для них в качестве социализирующего ценного каркаса и коммуникативного проводника. Необходимость формировать собственное представление о границах дозволенного и наполнять адекватным для себя смыслом основу существующих в обществе отношений неизбежно подталкивает их к своеобразным экспериментам в области социальной девиации. В результате значительно увеличиваются риски формирования асоциального поведения в подростковой среде, подавляемого институциональными механизмами социального контроля, что в конечном итоге приводит к ее криминализации. Большую значимость в озвученном контексте приобретает интеграционная сбалансированность социальной среды подростка, способная решать задачу его социокультурной адаптации и препятствовать вовлечению в асоциальные практики. В данной статье представлен результат комплексного социологического исследования, направленного на интеграционный анализ различных сегментов социальной среды подростков, относящихся к группе повышенного социального риска и состоящих на регламентном индивидуальном сопровождении в СПб ГБУ «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»». Основываясь на социологических концепциях М. Вебера, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма, А. Шюца и других социологов, автор статьи предлагает методологический конструкт, позволяющий проанализировать факторы

включенности подростков в такие сегменты их социальной среды как семья, друзья, образовательные учреждения и гражданское общество. Автором предложена система индикаторов, характеризующих различные параметры социальной среды, позволяющих описать ее интеграционную логику. В результате анализа проведенных фокус-групп и телефонного интервью автору удалось охарактеризовать отношения, складывающиеся у подростков в различных сегментах социальной среды, выявить факторы, стимулирующие асоциальное поведение, и выработать конкретные рекомендации для работы с подростками, входящими в группы социального риска.

Ключевые слова: факторы дезинтеграции, социальная среда, социальная интеграция, подростки группы риска.

Введение

Исследования, направленные на установление первопричин происхождения подростковой преступности, а также факторов, определяющих распространенность делинквентного или асоциального поведения среди молодежи, традиционно сохраняют свою актуальность, поскольку направлены на поддержание процессов социального воспроизводства. Социализация современных подростков протекает в условиях имманентно текущего кризиса социальной интеграции, диагностируемого социологами в качестве аномической [1, с. 729], либо посттравматической общественной симптоматики [2, с. 34]. Озвученные тенденции особенно наглядно обнаруживаются в молодежной среде, где «риск» становится условием жизнедеятельности подростка. Ценностная неопределенность нормативуется подрастающими поколениями, чему способствуют отсутствие в российском обществе институциональных форм молодежной культуры, а также низкая привлекательность большинства подростково-молодежных досуговых учреждений. В результате социальная среда современных подростков формируется стихийно, вне коммуникационной структуры, разделяемой большинством ее представителей.

В силу психологических и возрастных особенностей, именно подростки наиболее чувствительно реагируют на зыбкие, текучие условия социальной среды, детерминирующие поведенческую тактику молодого человека таким образом, что любое потенциально возможное социальное действие несет в себе столько же риска, сколько и отказ от его исполнения [3]. Отсутствие четких граней дозволенного и одобряемого актуализирует опасность формирования у него деструктивных установок, поскольку вынуждает экспериментировать, интуитивно выстраивая собственный нормативный каркас, релевантный полученному ранее опыту. В таких условиях значительно возрастает возможность асоциальной девиации, которая носит сперва ситуативный характер, однако с течением времени может приобретать устойчивые формы отклоняющегося поведения [4]. Социальная структура современного российского общества не предоставляет в полной мере подросткам ни культурных образцов, следование которым считалось бы желательным в контексте гражданской идеологии, ни институтов их последовательной реализации. В этом ключе основная роль в формировании условий для положительной социализации подростка, отводится его ближайшему окружению, деструктивная организация которого, в значительной мере, определяет его склонность к асоциальному поведению.

Целью данного исследования является анализ интеграционной структуры социальной среды подростков, относящихся к категории повышенного социального

риска, а также поиск дезинтеграционных факторов, способствующих асоциальному поведению. Для этого необходимо решить следующие исследовательские задачи: составить методологический конструкт в рамках теоретического поля социологии, соответствующий проблеме исследования; изучить интеграционную специфику социальной среды подростков, входящих в группу риска; охарактеризовать факторы, провоцирующие отчуждение подростка в контексте общественных отношений; разработать практические рекомендации, направленные на совершенствование профилактических мероприятий, осуществляемых специалистами по работе с подростками группы риска.

Подростки группы риска привлекают повышенное внимание социологов и психологов, причисляющих к данной группе несовершеннолетних в соответствии с влиянием деструктивных факторов социализации [5], психологической предрасположенностью к агрессии [6, с.139], социальным статусом семьи [7, с.79] и даже их поло-ролевыми установками [8]. В рамках данного исследования в группу риска будут включены подростки по факту совершения ими административного правонарушения или общественно опасного деяния, не подлежащие уголовной ответственности в связи с недостижением соответствующего возраста, а также подростки, находящиеся в сфере уголовного преследования, осужденные к мерам наказания, не связанным с реальным лишением свободы. Они же и составляют основной объект исследования. В качестве исследовательского предмета выступают их интеграционные установки, определяющие степень и характер включенности подростка в различные сегменты социальной среды. В основе исследования лежит предположение, что асоциальные установки подростков, относящихся к группе повышенного риска, определяются прежде всего интеграционной спецификой их социальной среды.

Методология исследования

Для анализа интеграционных свойств социальной среды подростков «группы риска» были выбраны структурно-функциональный и феноменологический социологические подходы. При определении, основных сегментов их социальной среды была использована концепция, предложенная М. Вебером в качестве представления о «легитимном (установленном) порядке». Для того, чтобы оценить степень включенности человека в тот или иной порядок, немецкий социолог использовал понятие эмпирической значимости, под которой понимается «...объективная обоснованность усредненных ожиданий» [9, с.512]. Иными словами, легитимный порядок представляется эмпирически значимым в том случае, если индивиды в своем поведении учитывают данные максимы и поступают таким образом, в том числе потому, что подобное соотношение значимо и расценивается участниками взаимодействия как обязательное или как образец [10, с.90]. В соответствии с логикой построения легитимного типа были выделены такие сегменты социальной среды подростка как «семья», «дружба» и «образование».

В рамках структурно-функционального подхода для более детального анализа каждого сегмента социальной среды подростков была использована концепция социальных систем, предложенная американским социологом Т. Парсонсом. Социальная система определяется им как конечная и сводная, результирующая мно-

жества выборов. Она укрепляется и поддерживается институционализированием ценностных эталонов, которые делают законным определенный выбор и оказывают санкционное давление для поддержания требуемой ориентации [11, с. 451]. Включенные таким образом в социальную структуру образцы действия являются идентичными культурной ценностной ориентации, которая становится основополагающей составляющей социальной структуры. Следовательно, для анализа факторов интегрированности было целесообразно обращение к структуре и эффективности механизмов социального контроля, а также экспрессивно-символической основе протекающих в различных сегментах социальной среды коммуникаций.

Эвристический потенциал феноменологического подхода, применяемого в данном исследовании, объясняется необходимостью качественного анализа субъективных представлений подростков, что позволит описать структуру разделяемых ими групповых культурных образцов, составляющих свойственный им когнитивный стиль. Смысловое содержание данного понятия, введенного в социологию А. Шюцем, основано на утверждении, что переживания человека могут быть сгруппированы в некоторое единство, образующее определенный когнитивный стиль [12, с. 424]. Подчиняясь такому стилю, переживания человека организуются внутри него в «конечную область значения», которая, в свою очередь, наделяется индивидуальным сознанием реальными характеристиками. Каждый сегмент социальной среды подростка объединен специфическим когнитивным стилем, требующим от входящих в него представителей реализации, соответствующих ему групповых культурных образцов. Культурные образцы, в свою очередь, снабжают входящих в конкретную среду индивидов поведенческими рецептами, актуальными для решения типичными средствами типичных проблем.

Таким образом, в рамках методологии данного исследования предполагается, что интеграционные свойства различных сегментов социальной среды можно изучать посредством анализа: субъективной оценки предсказуемости протекающих в них отношений; средовой коммуникационной повестки; интенсивности и форм реализации механизмов внутрисредового социального контроля; факторов, влияющих на вхождение подростка в среду и выход его из нее; экспрессивно-символических оснований среды. Для того чтобы определить каким образом выражаются названные выше аналитические элементы в когнитивном стиле подростка, целесообразно использовать качественную методологию, для чего наилучшим образом подойдет метод фокусированных групповых интервью. Для верификации полученных в результате фокус-групп данных, а также оценки распространенности фактов, выявленных в результате их анализа, будет использован метод формализованного интервью.

Методика исследования

Данное исследование носило комплексный характер и включало в себя ряд фокусированных групповых интервью, а также телефонный опрос. Подростки, принимавшие участие в исследовании, находились во время его проведения на регламентном социальном сопровождении в Санкт-Петербургском государственном бюджетном учреждении «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»» (далее СПб ГБУ «ЦГСП

«КОНТАКТ»»). Само по себе регламентное социальное сопровождение — комплекс мер, направленных на реализацию индивидуальной программы профилактических мероприятий, нацеленных на реабилитацию и ресоциализацию несовершеннолетних [13, с. 5]. Возраст участников интервью — от 14 до 17 лет.

На первом этапе исследования специалистами отдела социологических исследований было проведено 3 фокусированных групповых интервью, в каждом из которых участвовало 10–12 подростков, проживающих в различных районах Санкт-Петербурга и состоящих на индивидуальном регламенте социальном сопровождении в СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»». В ходе проведения этого исследования были получены качественные данные, необходимые для присвоения общих характеристик когнитивному стилю, свойственному подросткам, входящим в группу повышенного социального риска. С технической стороны проведенные фокус-группы позволили составить представление о субъективно значимых факторах, определяющих интеграционные установки подростков, а также получить оценочные суждения подростков, которые позднее были использованы при разработке инструментария телефонного опроса.

На втором этапе исследования проводилось полуформализованное интервью, проводимое методом телефонного опроса. Это позволило верифицировать данные, полученные в рамках проведения фокус-групп и оценить степень их распространенности в подростковой среде. Выборка исследования составила 330 чел., отобранных в соответствии с половозрастными характеристиками, которые соответствуют социально-демографическим показателям Санкт-Петербурга. В качестве интервьюеров выступили сотрудники отдела социологических исследований информационно-аналитического центра СПб ГБУ «ГЦСП «КОНТАКТ»», каждый из которых имел академическую степень не ниже магистра социологии.

Результаты исследования

Первый вопрос, который мы задавали подросткам, был направлен на изучение лиц, составляющих их семейное поле. Распределение ответов на вопрос «Скажите, кого Вы считаете своей семьей?» позволяет утверждать, что в структуре семейного сегмента среды подростков, относящихся к группе риска, наибольшую долю составляют женщины (см. табл. 1). Своеобразный кризис мужского присутствия частично компенсируется посредством включения в состав семьи фигуры отчима, однако представители мужского пола и после этого остаются в меньшинстве. Следует отметить, что мировоззрение таких подростков подвержено значительному влиянию со стороны сверстников, т. е. дружественного окружения. Об этом свидетельствует тот факт, что каждый десятый подросток в качестве члена своей семьи назвал своего друга.

Для оценки экспрессивно-символической структуры, лежащей в основе внутрисемейного общения, оценивалось субъективное представление подростков о ценности такого общения, в связи с чем им задавался следующий вопрос: «Что в этих людях особенного, что делает вас семьей?». Полученные данные позволяют утверждать, что в отношениях со своей семьей подростками ценится прежде всего поддержка (в психоэмоциональном и отношенческом смыслах), оказываемая им близкими людьми (см. табл. 2).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, кого Вы считаете своей семьей?»

Член семьи	% от общего числа респондентов
Родная мать	93,9
Родной отец	63,9
Братья	37,0
Сестры	40,7
Дедушка	28,1
Бабушка	47,4
Отчим	8,9
Мачеха	0,3
Родственники по линии отца	12,5
Родственники по линии матери	17,7
Дальние родственники	8,3
Парень/девушка (выведено из категории «Другое»)	4,3
Друзья (выведено из категории «Другое»)	9,5
Домашнее животное (выведено из категории «Другое»)	3,1
Другое	4,6

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Что в этих людях особенного, что делает вас семьей?»

Ответы	% от общего числа респондентов
У нас много общего, того что нам нравится и является для нас важным	62,6
Эти люди всегда поддерживают меня, когда это необходимо	83,9
Мы интересно и увлекательно проводим время вместе	63,8
Они обеспечивают меня материально	45,3
Это мои родственники, а их не выбирают	42,2
Любовь (выведено из категории «Другое»)	2,7
Сожительство (выведено из категории «Другое»)	1,8
Доверие (выведено из категории «Другое»)	1,2
Взаимопомощь, взаимоподдержка (выведено из категории «Другое»)	3,6
Понимание/Близость/Сплоченность (выведено из категории «Другое»)	3,0
Другое	6,7
Затрудняюсь ответить	1,2

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

В рамках первого исследовательского этапа было сделано предположение, что на целостность семьи и органичность складывающихся в ней отношений влияют прежде всего принципы, которые лежат в основе построения семейной культурной модели. Структурный анализ ответов, выполненный в рамках анализа количественных данных, подтвердил данный тезис. Статистический анализ семейной культуры опрошенной группы подростков показал, что для нее характерно преобладание двух основных культурных моделей. Первая модель является динамической (непрерывно воспроизводящейся) и строится вокруг подвижности ценностно-культурных конструкций внутри семьи, в то время как вторая — статичной (ригидной). Последняя предполагает апеллирование к незыблемости семейных ценностей и норм. Количественное исследование показало преобладание (в соотношении 1:2) в российских реалиях семей с признаками динамической ценностной модели.

Отвечая на вопрос о том, что именно связывает их с другими членами семьи, подростки, утверждающие, что общение в их семьях строится вокруг общих интересов и ценностей, чаще в числе ценностных приоритетов называли поддержку (больше на 15%) и увлекательный совместный досуг (больше на 22%), чем те, которые утверждали, что семья для них важна преимущественно потому, что это их родственники. Также группа подростков, выбравших первый вариант ответа («У нас много общего, того что нам нравится и является для нас важным»), на 9,7% (от общего числа выбравших 1-й или 5-й вариант ответа) реже, чем подростки, отметившие вариант ответа № 5 («Это мои родственники, а их не выбирают»), делала выбор, свидетельствующий о важности для них материального обеспечения со стороны других членов семьи. Выявленные индикаторы будут сопоставляться в ходе проведения аналитического описания результатов исследования с распределениями ответов и на другие вопросы.

Следует отметить, что разработанный инструментарий имеет некоторые недостатки в части обсуждаемого вопроса, потому что предлагаемые подросткам варианты ответа:

- не всегда носили прямо-полярный характер,
- описывали такие качества ценностной среды, которые в разной степени характерны для любых семейных отношений.

Тем не менее выявленные границы изучаемого феномена при структурном анализе полученных ответов установлены достаточно четко. Следовательно, при последующем совершенствовании исследовательского инструментария следует учесть выявленные закономерности.

Ниже приведены высказывания подростков, характерные для статичной и динамической культурных моделей.

Юноша (16 лет, учащийся колледжа): «Характер творческой направленности нашей деятельности. У каждого деятельность какая-то духовная. У всей семьи. Мать стихи пишет, музыку сочиняет. Отец строитель, но не просто, он тоже “душу вкладывает”, можно так сказать».

Юноша (17 лет, учащийся колледжа): «Семья — это люди, которым доверяешь ты, и которые доверяют тебе. И это не обязательно только родители, близкие друзья тоже могут быть. Это близкие люди, которые тебя никогда не оставят в беде. Помогут в трудную минуту».

Девушка (17 лет, учащаяся колледжа): «У меня только мама. Она все время на работе. Я предоставлена сама себе, и мне нормально. Она, конечно, нужна мне. Ну-у-у-у, для поддержки, возможно... Материальной».

Юноша (16 лет, учащийся колледжа): «Семья — это когда ты пришел домой, открываешь холодильник, о-па! и еда. Или идешь, а тебе деньги на карту пришли. Меня с ними объединяет «бибика», «Хонда Аккорд». Мы договорились, чтобы я в 18 под себя пристроил ее. Если сдам на права, то будет моя».

Распространенность ценностно-ригидной формы семейной культуры в среде подростков, относящихся к группе повышенного социального риска, связана с тем влиянием, которое на них оказывают деструктивные общественные процессы, в результате чего формируется такое явление, как ценностно-эмпатическая отчужденность. При этом ригидность и статичность ценностно-моральной семейной конструкции лишает подростков опыта нормативной рефлексии, в частности, о природе и происхождении различных запретов. Следует согласиться с казанскими социологами А. Ю. Завалишиным, Н. Ю. Костюриной, что такое положение дел «...приводит к механическому усвоению норм или тотальному их отрицанию, препятствует интериоризации нормы, трансформации социальных табу в систему личностных нравственных ориентиров молодежи» [14, с. 94]. Семья, построенная исключительно по принципу родственного долженствования, оказывается неспособной выполнять роль агента интернализации общественно-нормативной эмпатии. Такая семья имманентным образом воспроизводит постсоциалистические установки архаично-патерналистического толка, которые парадоксальным образом сочетаются с агрессивно-адаптационными индивидуалистическими взглядами, в результате чего создается средовая основа полная противоречий. Таким образом, в ней закрепляется питательная среда для формирования сложных форм социальной дезинтеграции.

В рамках проведения фокус-групп удалось определить структуру коммуникационной повестки, позволяющей характеризовать основные черты когнитивного стиля, свойственного семейному сегменту социальной среды подростков, входящих в группу повышенного риска. Оценка соотношений, в соответствии с которыми внутри семейного общения затрагиваются различные вопросы, производилась в рамках телефонного интервью. В результате чего можно заключить, что коммуникационная повестка, реализуемая внутри семей большинства подростков «группы риска», ориентирована преимущественно на реализацию хозяйственно-бытовой функции семьи и осуществление социального контроля в части успешного освоения подростком образовательных программ (см. табл. 3).

Каждый третий подросток отметил, что испытывает в семейном пространстве определенные трудности коммуникации. В ходе проведения опроса подросткам задавался следующий вопрос «Есть ли между членами семьи такие темы, которых Вы стараетесь избегать?». Каждый третий подросток (34,2% опрошенных) отметил, что внутри его семьи есть такие темы, которых он старается избегать. Относительно культурно-интеграционных типов, выделенных в ходе проведения фокус-групп, следует заметить, что для подростков, вышедших из семьи ценностно-рефлексивного типа, свойственен более открытый характер общения с другими членами семьи. Вот что говорят подростки по данному вопросу.

Юноша (15 лет, учащийся колледжа): «Как дела в “шараге”? Во сколько будешь? Куда на выходных ходишь? Ну и просто общаемся иногда вечером. Чаще всего: где был, что делал? Что завтра делать будешь?».

**Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«Какие темы и как часто Вы обсуждаете в кругу семьи?»**

Тема	% от общего числа респондентов		
	Часто	Редко	Никогда
Учебные дела	71,3	24,2	4,5
Выбор будущего образования/профессии	59,7	33,9	6,4
Бытовые вопросы	56,1	38,7	5,2
Планирование семейного отдыха/поездок/путешествий	41,6	48	10,4
Планы на ближайшие выходные	40,7	44,1	15,2
Взаимоотношения с друзьями	37,7	46,2	16,1
Прочитанные книги, просмотренные фильмы и т. д.	36,6	43,3	20,1
Взаимоотношения с другими родственниками	28,9	52	19,1
Распределение семейного бюджета	24,6	40,9	34,5

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Юноша (14 лет, ученик школы): «Меня обычно, когда прихожу домой, родители успевают спросить “как дела, будешь ли есть и во сколько спать”. Все. Дальше я успеваю зайти в свою комнату».

Девушка (15 лет, ученица школы): «С мамой иду советоваться, за поддержкой и пониманием. Это мой близкий человек, она всегда со мной. Да, есть мне неприятные темы. За некоторые поступки мне бывает стыдно, об этом я не хочу с ней разговаривать. Мне важно, что она обо мне думает. Не думаю, что может что-то испортить наши отношения. В любой ситуации я останусь рядом с ней».

Для того, чтобы определить насколько отношения, формирующиеся в семейном сегменте социальной среды, являются предсказуемыми для подростков группы риска, участникам опроса предлагалось оценить, насколько они согласны с рядом суждений, которые им зачитывал интервьюер. По результатам обработки полученных данных можно резюмировать, что необходимая поддержка со стороны других участников семьи оказывается подросткам группы риска в полной мере (см. табл. 4).

Однако отношения в семье далеко не всегда являются для подростка безусловно предсказуемыми. Вот что говорят подростки по данному вопросу.

Девушка (16 лет, мать годовалого ребенка, не учится, работает): «Два года назад меня ошарашил мамин поступок. Я хотела пойти учиться в полицию, а в итоге из-за того, что мама написала заявление в уголовный розыск, она поломала все мои мечты. Для меня этот поступок был неожиданным, потому что она знала, где я. Если бы она не написала это заявление, я бы сейчас не стояла бы нигде на учете и жила спокойной жизнью».

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, насколько Вы согласны с представленными ниже утверждениями?»

Утверждения	% от общего числа респондентов		
	Не согласен	Частично согласен	Совершенно согласен
Все члены моей семьи соблюдают наши с ними договоренности.	8,5	23,6	67,9
Я всегда могу рассчитывать на необходимую поддержку со стороны семьи.	3	9,4	87,6
В семье со мной советуются, когда принимаются решения, касающиеся меня.	7	21,2	71,8
Я всегда могу предугадать чем заняты в настоящий момент, что подумают и как поступят члены моей семьи в той или иной ситуации.	15,2	38,7	46,1

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Юноша (15 лет, учащийся колледжа): «Самое жесткое, что было, это когда я раньше жил в другом городе, в другой стране и там загорал. Мой папа подходит и без предупреждения говорит, что мы летим в Турцию. И я такой типа: “а меня кто-то спрашивал?!” И это был самый “удивительный” момент».

Что касается социального контроля, то основной его формой в семьях подростков группы риска является групповое рефлексирование, проявляемое в семье подростка в виде воспитательного разговора (см. табл. 5). Репрессивные формы социального контроля, выраженные в готовности наказать провинившегося подростка, характерны для семей с преобладанием более статичных (ригидных) форм семейной морали. Исходя из высказываний подростков, сделанных в ходе проведения фокус-групп, можно утверждать, что под наказанием в данном случае предполагаются различные ограничительные меры: запрет на прогулки, пользование телефоном, ограничение в карманных деньгах и т. д. Многие подростки говорили, что обсуждение совершенного ими проступка в семье подростка группы риска оборачивается для него серьезными конфликтами с близкими и общим расстройством.

Отдельно стоит рассмотреть долю подростков, указавших, что им не пришлось сталкиваться с такими ситуациями, где они сильно (в негативном смысле) удивляли других членов семьи. Данный факт может быть проинтерпретирован с двух основных позиций.

1. Совершенный подростком асоциальный поступок, послуживший причиной постановки подростка на сопровождение в СПб ГБУ «ГЦСП “КОНТАКТ”», не рассматривается им как нечто из ряда вон выходящее.

2. Подросток не хочет отвечать на поставленный вопрос.

Вот что говорят подростки по данному вопросу.

Юноша (14 лет, учащийся школы): «Когда в “ментовку” попал из-за школы, папа сказал: “пусть там сидит”. Бабушка кричала: “придурок!”. Я к подруге уехал на неделю».

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Случались ли такие ситуации, что Вы неприятно удивляли других членов семьи своими поступками и если да, то что предприняли родители после этого?»

Ответы	% от общего числа респондентов
Да, после этого со мной состоялся воспитательный разговор	72,1
Да, после этого меня наказали	31,2
Да, другие члены семьи расстроились, и мы сильно поругались	24,2
Да, другие члены семьи расстроились, но для меня никаких последствий не было	24,5
Да, но моей семье нет никакого дела до моих выходов	4,5
Да, другое...	5,2
Нет, такого не случалось	10,9

С о с т а в л е н о п о : авторские данные.

Юноша (17 лет, учащийся колледжа): «Мама сначала смеялась, когда я был в нетрезвом состоянии, а потом полночи читала мне очень долгую лекцию. Папы, слава Богу, тогда не было».

В числе факторов средовой дезинтеграции наиболее остро для подростков стоят риски, связанные с нарушением физической или социально-психологической безопасности, а также с устойчивостью нормативной конструкции семейной среды. Последняя определяется предсказуемостью отношений в семье (см. табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Какие из нижеприведенных ситуаций могут существенно изменить Ваши отношения с другими членами семьи?»

Ситуации	% от общего числа респондентов
Постоянные конфликты или ссоры между членами семьи	45,6
Необязательность договоренностей или ложь со стороны других членов семьи	57,2
Супружеская неверность отца или матери	37,9
Если другие члены семьи будут меня постоянно унижать или относиться ко мне неуважительно	69,4
Если кто-то внутри семьи начнет применять насилие (рукоприкладство, домогательства)	75,8
Если меня перестанут должным образом обеспечивать	25,7
Если к моему мнению в семье не будут прислушиваться	45,0
Если мои родители разведутся	21,4
Я намерен сократить общение со своей семьей по достижению совершеннолетия	10,1

Ситуации	% от общего числа респондентов
Я уверен(а), что в любом случае этого не случится	7,0
Другое	4,9
Затрудняюсь ответить	4,0

С о с т а в л е н о п о : авторские данные.

Следует обратить внимание, что каждый десятый подросток указал, что он намерен сократить общение со своей семьей по достижении совершеннолетия. Сопоставление полученных результатов позволяет утверждать, что большинство подростков, продемонстрировавших таким образом пассивно-отчуждающие установки к другим членам семьи, придерживаются ценностей, характерных для семейных отношений, основанных на принципах родственного долженствования (86 % от общего числа подростков, указавших на намерение сократить общение со своей семьей по достижению совершеннолетия). Вот что говорят опрошенные подростки по данному вопросу:

Девушка (16 лет, мать годовалого ребенка, не учится, работает): «С мамой я общаюсь, но не так часто. Я ей особо не доверяю, ничем с ней не делюсь. Это началось с шестого класса. Тогда папа ушел из семьи. Все срывались на меня, теперь я срываюсь на них. Мама сначала была против, потом выдавала меня замуж за него... Просто это мама. Я все равно ей ничего не рассказываю о себе. Я думала о том, что, когда у меня будет своя семья, ребенка я к ней привозить не буду. Для меня ценно просто то, что она есть, но я ей не доверяю».

Девушка (17 лет, учащаяся колледжа): «Если меня будут учить, как жить правильно. Потому что я сама знаю, как лучше для меня, и когда мне постоянно это говорят, то... Ушла бы, бросила учебу, нашла работу, и сама бы себя обеспечивала».

Юноша (17 лет, учащийся колледжа): «У нас просто у мамы с папой отношения — постоянные скандалы. Жестко, где до развода. И папа такой: “Че, к кому пойдешь, с кем жить будешь? Если ты останешься с мамой, ты просто не выживешь”. Ну вот. Просто я уже столько знаю... с кем моя мама была... Много всего, что надо бы поменять в нашей семье. Общение между собой, убрать наши разногласия».

Дружеские отношения как важнейшая составляющая социальной среды подростков, относящихся к группе повышенного риска

Большинство подростков в ходе опроса ответили, что у них есть друзья (87 % от всех опрошенных). Чаще всего друзья подростков общаются в одной компании (47,6 % от общего числа респондентов) и реже между собой не знакомы (39,4 % от общего числа респондентов). Доля подростков, утверждающих что у них только один друг наиболее малочисленная и составляет 9,7 % от общего числа опрошенных. Число подростков, утверждавших что у них нет друзей, составило 3 % от всех опрошенных.

Для оценки социального ресурса, выступающего основой для формирования дружеских отношений, подросткам задавался вопрос о том, где завязались их отношения, что позволило установить ценностно-нормативный контекст социальной среды. Исследование показало, что дружеские социальные связи формируются преимущественно в рамках нормативной среды той школы или колледжа (училища), где обучается подросток (см. табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы познакомились с друзьями?»

Ответы	% от числа подростков, имеющих друзей
Через родственников	7,0
В образовательном учреждении	67,4
Мы занимались в одной спортивной/творческой секции	24,4
Мы живем рядом, познакомились через общих знакомых/компанию	60,7
Мы познакомились через Интернет	15,2
Познакомились на культурном мероприятии	10,4
На улице (выведено из категории «Другое»)	9,1
В детском саду (выведено из категории «Другое»)	5,8
На работе (выведено из категории «Другое»)	4,0
В молле (выведено из категории «Другое»)	1,2
Другое	6,4

С о с т а в л е н о п о : авторские данные.

Оттуда в дружественные отношения подростка имманентным образом переносятся культурные символы и коммуникативные практики, распространенные в учебном учреждении. Отношения же, складывающиеся между подростками в рамках наиболее близкой социальной дистанции, наделяются чертами макросоциального культурного поля, задающего нормы общения между ними. Сюда относятся нормы характерные для современной молодежной культуры, а также культурные эталоны, усваиваемые подростками в процессе интернет-социализации.

В ходе опроса подростков просили высказать свое мнение о том, что их объединяет с друзьями. Основная потребность, которую подростки реализуют в своей социальной среде — это потребность в коммуникации. В ходе опроса большинство подростков высказалось, что с друзьями их объединяет то, что с ними почти всегда удастся найти интересные темы для разговора (см. табл. 8). Для большинства опрошенных значимыми условиями, необходимыми для построения дружеских отношений, являются чувство свободы и раскованности, испытываемое при общении с друзьями, а также внимательное, небезразличное отношение друзей по отношению к ним. При этом для подростков не принципиально за счет чего достигается эффективность и комфортность общения с друзьями. Основное значение отводится его позитивному характеру, а это, в свою очередь, позволяет утверждать,

что аффективные свойства дружественной среды оцениваются подростками в первую очередь. Соответственно, общность взглядов (убеждений, вкусов) и увлечений (хобби) отходит в их ценностной структуре на второй план.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что Вас с друзьями объединяет?»

Ответы	% от общего числа респондентов
Мы с друзьями всегда находим интересные темы для разговора	94,5
В компании своих друзей я чувствую себя свободно и раскованно, ничего не стесняюсь	70,4
Друзья ко мне внимательны и всегда интересуются тем, что происходит в моей жизни	72,9
Нам нравится одно и то же в людях, фильмах, учебе, музыке и т. д.	64,3
Так сложились обстоятельства, что нам пришлось подружиться	14,3
Нас сближает спорт, общее увлечение или хобби	66,2
С моими друзьями не скучно, они часто меня удивляют и всегда готовы к чему-либо новому	61,3
Нас сближает неприязнь к какому-то человеку или компании	16,2
Мои друзья хорошо разбираются в молодежной моде и прочих современных течениях	43,3
Когда я в компании друзей, нам всегда удается придумать интересное занятие	57,6
Я общаюсь со своими друзьями, потому что больше мне просто не с кем	8,5
Другое	8,5
У нас общие интересы	3,0

С о с т а в л е н о п о : авторские данные.

Наиболее неоднозначные ответы были получены в отношении такого параметра социальной среды, как ее предсказуемость. Подростки различают и разграничивают положительные и отрицательные аспекты социальной девиации как локальной (групповой), так и социетальной (общественной) солидарности (см. табл. 9).

Отсюда следует, что в нормативной структуре дружеского сегмента среды данной категории подростков интернализированы такие культурные эталоны, которые предполагают существование нормативного (ролевого) люфта в отношении соблюдения общественных норм. Другими словами, непредсказуемость друзей воспринимается многими подростками положительно в том случае, если у них сохраняется уверенность в личной преданности со стороны своих друзей. Наиболее предсказуемыми являются отношения у подростков, объединенных со своими друзьями общностью интересов. Сопоставление результатов исследования показало, что только треть подростков (29,4 %), указавших, что с друзьями им нравится одно и то же в людях, фильмах, музыке и т. д., полностью согласились с тем, что их друзья

бывают непредсказуемы. В то же время доля однозначно признающих за своими друзьями такую черту оказалась наибольшей среди тех подростков, которые в качестве оснований для своей дружбы указали неприязнь к какому-то конкретному человеку или компании (52,8%), а также тех, кто общается с друзьями в связи со сложившимися обстоятельствами (40,4 %).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, насколько Вы согласны с представленными ниже утверждениями?»

Суждения	% от числа подростков, имеющих друзей		
	Не согласен	Частично согласен	Совершенно согласен
Друзья всегда поддержат меня, когда это потребуется	1,2	11,9	86,9
Мои друзья бывают непредсказуемыми и могут, например, что-нибудь учудить в незнакомой компании или общественном месте	38,4	25,9	35,7
В случае опасности мы с друзьями всегда готовы постоять друг за друга	0,6	9,5	89,9
Я уверен, что друзья никогда не будут обсуждать меня за моей спиной	18,3	24,7	57
Я знаю, о чем думают мои друзья, что им нравится, почему они поступают так или иначе	7	36	57

С о с т а в л е н о п о : авторские данные.

Вот что говорят подростки по данному вопросу:

Юноша (15 лет, школьник): «Если бы друзья были предсказуемы, мне было бы скучно».

Юноша (15 лет, школьник): «Вообще непредсказуемо! Поэтому я в полиции и был».

Юноша (15 лет, школьник): «Бесимся. В пределах разумного... Когда долго их не видел, а потом встретились, они начали буяннить. Я не ожидал».

Юноша (15 лет, школьник): «Вот относительно. Бывает что-то такое из ряда вон выходящее. Но что конкретно, сейчас не вспомню...».

Анализ коммуникационной повестки, произведенный по результатам телефонного исследования, позволяет утверждать, что общение между подростками группы риска в сегменте «дружба» носит преимущественно рекреационный характер (см. табл. 10). Это общение сфокусировано в основном на удовлетворении потребностей подростка в самореализации и коммуникации. Также большое внимание при общении с друзьями уделяется гендерной проблематике, что обусловлено активным протеканием у подростков в этом возрасте пубертатных процессов.

Доля подростков, положительно ответивших на вопрос о том, есть ли между ними и их друзьями такие темы, которые они стараются избегать, составляет одну треть от всех опрошенных (32,9 % от общего числа респондентов). Основная масса тем, называвшихся подростками в числе нежелательных при общении с друзьями, как и в семье, относится к такой области, как «личное (отношение, проблемы,

секреты)» (11,5 % от общего числа респондентов). Также большое число подростков (10% от общего числа респондентов) указало на то, что считает недопустимым обсуждать с друзьями семейные вопросы. Однако семья в целом показывает повышенную резистентность по отношению к среде друзей. Сопоставление ответов, полученных на разные вопросы, позволяет утверждать, что публичность коммуникационного поля существенно сокращается в тех случаях, когда в основе дружбы лежат пассивно отчуждающие факторы, к которым можно отнести неприязнь к какому-то другому человеку или отсутствие альтернатив общения.

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос:
«Какие темы и как часто Вы обсуждаете в кругу друзей?»

Темы	% от числа подростков, имеющих друзей		
	Часто	Редко	Никогда
Вопросы, касающиеся занятий в школе/колледже	38,8	50,6	10,6
Отношения с противоположным полом	60,5	34,3	5,2
Молодежные тренды, модные течения, «хайп»	51,5	39	9,5
Планы на далекое будущее	57,1	37,4	5,5
Отношения со сверстниками	49,2	41,6	9,2
Различные увлечения, хобби, занятия в секциях	66,3	27	6,7
Спортивные занятия	53,2	34,3	12,5
Молодежные медиа (интернет, музыку, фильмы, игры, приложения, блоги и т. д.)	78,6	19,3	2,1
Отношения с родственниками	28,9	53,6	17,5
Планы на ближайшие выходные	73,6	22,7	3,7
Возможности подзаработать денег	49,1	40,4	10,5

С о с т а в л е н о по: авторские данные.

В отношении социального контроля можно утверждать, что подростки демонстрируют высокую терпимость в отношении тех друзей, которые могли бы существенно изменить свои вкусы, что объясняется динамичностью аксиологических конструкций в подростковом периоде, а также общим средовым запросом на позитивную девиацию, характерным для сегмента «друзья» (см. табл. 11).

Иначе говоря, подростки постоянно находятся в ценностном поиске, из-за чего ориентация в вопросах дружбы на аксиологические аспекты ее содержания становится малоэффективной. Подростки завязывают многочисленные знакомства, подбирая себе потенциальных кандидатов для дружеских отношений, осуществляют свой выбор по принципу аффективной комплементарности (эмоциональной взаимодополняемости) и комфортности предстоящего общения. Наиболее же требовательными подростки оказались по отношению к соблюдению в своем ближнем окружении норм групповой солидарности. Высокая готовность применить негативные санкции объясняется выявленной ранее принципиальностью подростков

в отношении персональной лояльности, воспроизводящейся как на личностном, так и на групповом уровне.

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос: «Опишите, пожалуйста, как бы Вы восприняли следующие изменения в поведении Ваших друзей»

Изменения	% от числа подростков, имеющих друзей		
	Негативно	Нейтрально	Положительно
Если у Ваших друзей значительно изменятся предпочтения, убеждения или вкусы	5,9	72,6	21,5
Если Ваши друзья начнут активно общаться с новым, неизвестным для Вас человеком или компанией	11,6	62,8	25,6
Если Ваши друзья начнут совершать поступки, которые ранее вы вместе осуждали	64,9	30,2	4,9
Если Ваши друзья резко прекратят общение с Вами	69,5	29,3	1,2

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Учебное заведение как элемент социальной среды подростков, относящихся к группе повышенного риска

Большинство подростков группы риска посещают школы, реже — колледжи. Практически каждый десятый подросток на момент опроса не посещал образовательных учреждений. «Трудные» подростки активно используют образовательные учреждения как площадку для коммуникации (см. табл. 12). В таком случае общеобразовательные школы и средние профессиональные учебные учреждения занимают двойственное положение, устанавливаемое, с одной стороны, ролью среднего гаранта, с другой — коммуникационного посредника, определяющего содержание и формы протекающего там общения.

Таблица 12. Распределение ответов на вопрос: «Что Вы получаете от посещения занятий в образовательном учреждении?»

Ответы	% от общего числа респондентов
Общение с одноклассниками/однокурсниками, школьными приятелями	76,3
Возможность пообщаться со взрослыми в лице преподавателей	50,2
Новые знания, навыки и умения	86,3
Возможность как-либо проявить себя	47,4
Итоговый аттестат, позволяющий устроиться на работу или продолжить обучение	60,2
Я прихожу в учебное заведение, потому что этого хотят мои родители	18,5
Родные пообещали мне что-то купить, если я буду хорошо учиться	9,7
Я учусь, потому что так принято, все так делают	20,4

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Коммуникационная среда в образовательных учреждениях носит преимущественно утилитарный характер и фокусируется прежде всего на решении задач организационного характера. Вот что говорят участники группы по данному вопросу.

Юноша (15 лет, школьник): «Да. С ней [со школой], как обычно, все плохо. Родители сначала плохо к этому относились, сейчас им по барабану. Под конец четверти обычно “с иронией” часто это обсуждаем. Мне на это пофиг. Либо болт забью, либо исправлю. Учусь больше для аттестата».

Юноша (15 лет, школьник): «С одноклассниками все отлично, а школа — это фигня полная. Не интересно, скучно, появляются проблемы».

Юноша (16 лет, школьник): «С друзьями часто систему образования обсуждаем, какая она “прекрасная”. Не нравится то, что выбора нет».

Девушка (16 лет, школьница): «Я думала об этом, но сейчас уже 9 класс. Я закончу школу и больше не хочу иметь дело с учебными учреждениями. Собираюсь заниматься музыкой. Корочку буду получать просто чтобы родители отстали».

Относительно той атмосферы, которая складывается в учебных классах (группах), то по результатам исследования можно утверждать, что она слабо способствует усвоению подростками преподаваемого материала (см. табл. 13). Отношения, складывающиеся в образовательных учреждениях между подростками, часто носят враждебный характер.

Таблица 13. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, насколько Вы согласны с представленными ниже суждениями?»

Суждения	% от общего числа респондентов		
	Не согласен	Частично согласен	Совершенно согласен
В компании моих одноклассников/одногоруппников мне легче усваивать преподаваемый материал	30	30,3	39,7
Преподаватели в школе всегда стараются поддерживать своих учеников и помогают им решить проблемы, возникающие между одноклассниками/одногоруппниками	20,9	29,7	49,4
Я общаюсь не только среди одноклассников/одногоруппников, но и с другими ребятами из школы/колледжа.	6,6	7,9	85,5
Преподаватели образовательного учреждения всегда уважительно и внимательно, с участием относятся к моим проблемам в учебе	19,1	32,4	48,5
Мои одноклассники/однокурсники доброжелательно ко мне относятся и всегда готовы помочь	16,1	29,1	54,8

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Из результатов исследования видно, что администрация учебных заведений и преподавательский состав предпринимают определенные меры, направленные на гармонизацию складывающихся между подростками отношений. Тем не менее,

решить эту задачу исключительно посредством использования различных форм социального контроля, включая надзор за поведением учащихся со стороны преподавателей, не представляется возможным. Такое положение вызвано в том числе большой численностью учеников в классах, так что преподавателю трудно контролировать ситуацию. Вот что говорят подростки по данному вопросу.

Юноша (17 лет, не учится, не работает): «В принципе ко всем учителям нормально относился, только два как бы выделялись. Один был по русскому и литературе, он пытался меня “подтянуть” по оценкам, а второй учитель по ИЗО, он меня после уроков просил остаться, чтобы меня по рисованию тоже “подтянуть”. Я там рисовал, он меня даже пытался в художественную школу, в реставрационную отправить, но в тот момент я как раз из школы уже ушел».

Девушка (15 лет, школьница): «Единственная, кто мне нравится — это учитель по французскому, она очень интересно преподает свой предмет и благодаря ей я хорошо очень улучшила свои знания. Когда я ссорюсь с кем-нибудь из учителей, то иду к ней пить чай».

После анализа материалов, полученных при проведении фокус-групп, мы поняли, что необходимо раскрытия в рамках количественного анализа факторы агрессивности в учебных заведениях. На фокус-группах подростки утверждали, что в учебных учреждениях нередко сталкиваются с фактами проявления оскорбительного или насильственного характера как от других учеников, так и со стороны преподавателей. Этот факт подтвердился в ходе телефонного интервью, что говорит о напряженном характере социальных отношений, складывающихся внутри большинства общеобразовательных школ и средних профессиональных учебных учреждений (см. табл. 14).

Таблица 14. Распределение ответов на вопрос: «Отметьте, насколько часто Вы сталкиваетесь с подобными ситуациями в своем образовательном учреждении?»

Ситуации:	% от общего числа респондентов		
	Часто	Иногда	Никогда
Случается так, что ученики/студенты оскорбляют и унижают друг друга	33	50,6	16,4
Учитель/преподаватель позволяет себе оскорбить, обозвать или унижить ученика/студента	10,9	37,4	51,7
Порой в моем образовательном учреждении случаются драки между учениками/студентами	17	54,1	28,9
Учитель/преподаватель причиняет физический вред ученику/студенту	0,3	11	88,7

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Возможно, такое положение дел вызвано тем, что социальная среда в учебных заведениях формируется хаотично, по факту включения в одну группу подростков из различных социальных групп, этнических общин, или социальных страт с различным финансовым достатком. Отсутствие институциональных форм молодежной культуры, реализуемой на базе учебных заведений, и организованных форм

школьного досуга оставляет подростков в состоянии культурной разобщенности. Такая ситуация способствует формированию рисков, способствующих отчуждению подростка от образовательного маршрута.

Тем не менее, большинство подростков утверждает, что они чувствуют себя в учебном заведении безопасно (см. табл. 15).

Таблица 15. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, насколько безопасно Вы чувствуете себя в школе?»

Варианты ответов	% от общего числа респондентов
Совершенно безопасно	56,4
Скорее безопасно, чем нет	28,5
Затрудняюсь ответить	3,3
Скорее небезопасно	8,2
Совершенно небезопасно	3,6
Всего	100

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Полагаю, что сложившаяся в образовательных учреждениях ситуация воспринимается подростками как норма, и это в некотором отношении закрепляет и узаконивает воспроизводящиеся там групповые установки, таким образом институционализируя формируемую в образовательном учреждении аномию. Вот что говорят подростки по данному вопросу.

Девушка (16 лет, мать годовалого ребенка, не учится, работает): «Я закончила девять классов — и все. У меня были плохие взаимоотношения с директором школы. Я много прогуливала, учителям это не нравилось. Когда мы оставались одни, они мне хамили, дерзили, обзывали. Мне не захотелось оставаться там учиться».

Девушка (15 лет, школьница): «У меня очень плохие отношения со многими учителями и поэтому в меня часто, даже при всем классе, летят оскорбления, меня унижают и прочее. У меня еще очень плохие отношения с директором, “заминка”, сложно вообще что-то об этом сказать... наверно уже в привычку вошло, что меня могут при всем классе оскорбить, просто сделать “козлом отпущения”. Я уже ничего не делаю, когда такое происходит, просто стою, улыбаюсь, смеюсь такая... блин...».

Юноша (15 лет, школьник): «Сейчас, кстати, часто такое бывает. Нас в школе еще душила учитель, а завучу было на это пофиг. Учитель всех детей задевала, потом все злились и я — тоже. У нас был класс: два окна, а третье — за стенкой. Она заводила туда, перекрывала дыхание через нос и рот и держала, пока не успокоимся. Во многих школах такое происходит. Не только со стороны учителей, и завуч, и директор даже».

В отношении законных представителей учеников следует отметить, что они (как правило, родители) опрашиваемых подростков редко взаимодействуют с преподавателями тех учебных заведений, в которых обучается их ребенок. В то же время в представлении подростков наибольшую роль при принятии важных решений в образовательных учреждениях играют директор (администрация) и педагоги. Описанное выше положение однозначно истолковывается теми учащимися, кто

указал в качестве основных факторов, заставляющих сменить школу и совсем прекратить обучение, именно агрессивность среды в образовательном учреждении.

В качестве факторов, способных подтолкнуть подростков сменить учебное заведение или перестать учиться, ими чаще всего назывались конфликты с преподавателями (см. табл. 16).

Таблица 16. Распределение ответов на вопрос: «Предположите, какие причины могли бы стать для Вас весомыми, чтобы сменить/покинуть Ваше учебное заведение? Если так уже случилось, отметьте, почему»

Ответы	% от общего числа респондентов
Слишком сложная учебная программа	20,6
Учиться скучно, другие интересы	12,3
Конфликты с одноклассниками/одногоруппниками	29,1
Конфликты с учителями/преподавателями	47,2
Кажется, что в учебе нет никакого смысла	9,8
Другое	40,5

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Полученные в ходе опроса результаты наглядно представляют опасения подростков, вызванные привилегированным положением учителей. Дело в том, что учителя ограничены, с одной стороны, высокими требованиями, предъявляемыми к преподавателю со стороны администрации в отношении формальных показателей потоковой успеваемости, и с другой стороны, своим статусным положением и связанными с ним возможностями (ресурсами), имеющимися в их распоряжении. Иначе говоря, подростки опасаются испортить отношения с преподавателем, который способен, по их убеждению, ввиду субъективных факторов, проявляющихся в предвзятом к ним отношении, создать такие условия, которые подтолкнут ученика покинуть или сменить учебное заведение.

Девушка (16 лет, не учится, не работает): «Можно бумажку написать, но на эту бумажку могут не обратить внимания, а потом директор узнает. Еще хуже будет! Придется постоянно такие бумажки писать. Проще послать это все и в другое место уйти, нормальное».

Результаты телефонного опроса обнаруживают значительные интеграционные проблемы в части имплементации гражданских ценностей среди подростков группы риска и построения у них эмпатической значимости поведенческих паттернов гражданского участия (см. табл. 17).

Общественная дезинтеграция раскрывается посредством оценивания подростками группы суждений, характеризующих интенсивность общественной эмпатии и гражданского скептицизма. При этом решающим фактором, определяющим позитивность оценок по тому или иному аспекту общественной интеграции, становится то, приходилось ли подростку сталкиваться в своем образовательном учреждении с насилием (вербальным или физическим) со стороны как учеников, так и преподавателей (см. рис.).

Таблица 17. Распределение ответов на вопрос: «Скажите, насколько Вы согласны с представленными ниже суждениями?»

Суждения	% от общего числа респондентов		
	Не согласен	Частично согласен	Совершенно согласен
В России есть все возможности для моего развития	18,8	30	51,2
Мое государство способно обеспечить мне защиту и безопасное положение	24,2	38,5	37,3
Я хотел бы внести вклад в развитие моей страны	22,5	34,5	43
Закон создан для помощи людям, его важно соблюдать	6,1	26,6	67,3
Государством полностью соблюдаются мои права	16,6	36,7	46,7
Я могу полностью реализовать и обеспечить себя только за границей	54	31,1	14,9

С о с т а в л е н о п о: авторские данные

Рисунок. Количество подростков, полностью согласившихся с представленными в рисунке суждениями, в зависимости от того насколько часто им приходилось сталкиваться с ситуацией, в которой учитель (преподаватель) позволяет себе оскорбить, обзавать или унижить ученика/студента

С о с т а в л е н о п о: авторские данные.

Приведённые данные позволяют предположить, что система отношений, существующая в учебных заведениях в России, выступает для подростков своеобразной моделью социальных отношений, складывающихся в российском обществе. Иначе говоря, в рамках учебных заведений формируется структура составляющих гражданскую солидарность диспозиций (габитусов), позже проявляющая себя в тех нормах, значениях и ценностях, которые руководят гражданином в социальных взаимоотношениях. Проникаясь идеями гражданского скептицизма, под влиянием обстановки складывающейся в образовательных учреждениях, выпускники школ и колледжей «уносят» сложившееся общественное мировоззрение нигилистического толка во взрослую жизнь. Впоследствии такие подростки, оказавшись под каким-

либо негативным воздействием, имеют повышенный риск оказаться вовлеченными в различного рода радикальные или экстремистские политические течения.

Выводы

В данной статье приведены результаты исследования, позволяющие охарактеризовать интеграционную специфику каждого из обследуемых сегментов социальной среды подростков, входящих в группу риска. Так, внутри семейных отношений наиболее значимое влияние на интеграцию/отчуждение таких подростков оказывают алгоритмы формирования в ней экспрессивно-символических комплексов. Целостность дружественной среды подростков группы риска зависит от факторов редуцирования психоэмоциональной комплементарности между друзьями или нарушения среди них норм персональной лояльности, подростки демонстрируют высокую чувствительность в этом отношении. Наиболее значимым фактором, способствующим социальной дезинтеграции подростков группы риска в учебных заведениях, является агрессивность средообразующей инфраструктуры.

Полученные в результате исследования данные позволяют определить группу факторов, способствующих формированию среди подростков социальной среды, в рамках которой в значительной степени актуализируются риски нормативации асоциального поведения. К таким факторам можно отнести следующие.

1. Преобладание статичных и ригидных характеристик в семейной культуре — подросток социализируется вне навыков общения, основанных на экспрессивно-символических комплексах как результате ценностно-нормативной рефлексии. Среди таких подростков значительнее выражен запрос на общественную девиацию и непредсказуемость, что при сопутствующих обстоятельствах может способствовать асоциальному поведению.
2. Распространенность насильственных или враждебных форм коммуникации, осуществляемой в рамках того учебного заведения, которое посещает подросток. В учебном заведении подросток впервые самостоятельно сталкивается с отношениями конкуренции–кооперации, а также власти–подчинения. Логика социальных отношений, установившихся в образовательном учреждении, выступает моделью для формирования у подростка общего представления об общественных отношениях. Агрессивность образовательной среды, враждебный настрой преподавателя, его избирательность в вопросах соблюдения этических норм и правил дисциплины формируют у подростка установки полные гражданского скептицизма. Такие подростки критичнее настроены в отношении общества и государства, а также чаще высказывают сомнения в необходимости соблюдения законов и норм общественного порядка.

В связи с вышеизложенным, специалистам по работе с молодежью рекомендуется проводить профилактические мероприятия с теми подростками, которые в диагностической беседе объясняют ценность семьи через призму категорий родственного долженствования. С высокой долей вероятности эти подростки испытывают проблемы во внутрисемейной коммуникации при формировании доверительных отношений. Дружба со сверстниками у таких подростков также чаще формируется стихийно и является для них непредсказуемой. Для разрешения вы-

явленной проблемы целесообразно организовывать совместный досуг родителей и детей с целью укрепления общих интересов и взглядов (например, посещение культурных мероприятий), а также приобретения навыков внутрисемейной коммуникации. В особенных случаях, когда названные характеристики выражены наиболее ярко, необходимо рассмотреть возможность проведения с такими подростками групповой психотерапии, организованной в формате семейной конференции, в рамках которой группе будут заданы соответствующие вопросы и проанализирована природа происхождения принятых в семье правил, запретов и порядков.

Специалистам по работе с молодежью рекомендуется проведение профилактических бесед с родителями подростков группы риска, направленных на актуализацию потребности публичного контроля за происходящими в школе событиями. Соккрытие подростками фактов школьного насилия, а также их последующая нормативация объясняется прежде всего представлением подростков о бесперспективности и неуместности обращения к взрослым за помощью. Как показало исследование, подобные убеждения впоследствии чрезвычайно негативно отражаются на личной судьбе, гражданской лояльности и патриотическом воспитании подростков. В связи с выявленной негативной закономерностью, целесообразно проведение и групповых бесед с подростками группы риска, в рамках которых следует обсуждать различные аспекты агрессивного отношения или физического насилия в образовательных учреждениях. Особое внимание специалистам стоит обратить на подростков, принявших решение покинуть, либо сменить образовательное учреждение. Целью таких разговоров является формирование у подростков навыков индивидуального рефлексирования, которые будут препятствовать формированию у них представлений о девиантном поведении как естественном и нормальном.

Субъектам, участвующим в реализации молодежной политики в Санкт-Петербурге, следует рассмотреть возможность организации тематических секций, студий или семинаров, нацеленных на формирование среди подростков опыта групповой деятельности и навыков целевой коммуникации, объединяемой общими взглядами, интересами и ценностями (например, на базе учреждений по делам молодежи). В качестве подходящих тем для подобных занятий можно использовать следующие: экологический семинар; молодежный клуб защиты животных; студия юных предпринимателей; дискуссионный клуб; генеалогический кружок и т. д. Такая мера позволит развивать у молодежи фундаментальные представления о социально одобряемых нормах групповой коммуникации и формах проявления гражданской позиции. Основная цель таких кружков — формирование представлений и навыков общения, основанного на общественной эмпатии.

В заключение следует отметить, что теоретико-методологическая модель, использованная нами для анализа социальной среды подростков группы риска, подтвердила в данном исследовании свою основательность. Практическая ценность проделанной работы заключается в конкретных предложениях, направленных на профилактику асоциальных явлений в подростковой среде города Санкт-Петербурга.

Литература

1. Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2018. № 4. С. 719–730.

2. Тощенко Ж. Т. Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 23–50.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С. 107–134.
4. Беличева С. А. Основы превентивной психологии. М.: Редакционно-издательский центр консорциума «Социальное здоровье России», 1993.
5. Кирюшина М. А. Социализация подростков группы риска в социокультурных условиях Ставропольского края // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 20. С. 135–138.
6. Мухамадеева З. Ф. Социальные проблемы подростков «группы риска» и пути их решения // Вестник Башкирского ун-та. 2007. № 3. С. 139–141.
7. Ильинская А. Н., Котова Е. В. Эмоциональное благополучие подростков, воспитывающихся в семьях группы риска // Современное состояние и перспективы развития субъекта деятельности: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГГЭУ, 2019. С. 77–83.
8. Куприянчук Е. В. Полоролевая идентификация подростков группы риска // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. №4. С. 69–76.
9. Вебер М. Избранные произведения. М: Прогресс, 1990.
10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1 Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002.
12. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
13. Методические рекомендации для специалистов по социальной работе с молодежью и подростками с девиантным поведением / Санкт-Петербургское ГБУ Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». СПб., 2018.
14. Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю. От аномии к сверхнормативности: молодежь в поисках границ // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического ун-та. 2017. № III-2 (31). С. 91–96.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2020 г.;
рекомендована в печать 9 апреля 2020 г.

Контактная информация:

Сердюков Борис Владимирович — начальник учебно-методического центра;
serd_bv@mail.ru

Integration aspects of the social environment of adolescents from the high-risk group

B. V. Serdyukov

St. Petersburg State Budgetary Institution City Center
for Social Programs and the Prevention of Antisocial Phenomena among Youth “CONTACT”,
4, Frunze ul., St. Petersburg, 196070, Russian Federation

For citation: Serdyukov B. V. Integration aspects of the social environment of adolescents from the high-risk group. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, issue 2, pp. 174–199. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.205> (In Russian)

The socialization of modern teenagers takes place in the context of an immanent current crisis of social integration, based on what was experienced in the post-perestroika period and the social anomie that has been transformed in modern conditions. Teenagers grow up in the absence of well-established, unambiguously interpreted socio-cultural complexes that can become a valuable socializing framework and communicative guide for them. The necessity to form their own idea of the boundaries and to fill the basis of existing relations in society with an adequate meaning inevitably pushes them to peculiar experiments in the field of social deviation. As a result, the risks of forming antisocial behavior in the adolescent environment,

suppressed by institutional mechanisms of social control, are significantly increased, and ultimately leads to its criminalization. This article presents the result of a comprehensive case study. It is devoted to the integration analysis of various segments of the social environment of adolescents, which belong to the group of increased social risk. These adolescents are individually accompanied according to the regulations in the St. Petersburg State Budgetary Institution City Center for Social Programs and the Prevention of Antisocial Phenomena among Youth "CONTACT". The article is based on the sociological concepts of M. Weber, T. Parsons, E. Durkheim, A. Schütz and other sociologists. The article offers a methodological construct that makes it possible to analyze the factors of inclusion of adolescents in such segments of their social environment as family, friends, educational institutions and civil society. The author has proposed a system of indicators characterizing various parameters of social environments in order to describe its integration logic. As a result of the analysis of the conducted focus groups and a telephone interview, the author was able to characterize the relationships that develop among adolescents in various segments of the social environment.

Keywords: disintegration factors, social environment, social integration, adolescents belonging to *risk groups*.

References

1. Kostina E. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O. The state of value system as a factor of anomie in the contemporary Russian society. *Vestnik RUDN. Seriya Sociologiya*, 2018, no. 4, pp. 719–730. (In Russian)
2. Toshchenko Zh. T. Trauma and antinomy as new features of social consciousness and public behavior in modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, no. 3, pp. 23–50. (In Russian)
3. Giddens E. Fate, Risk, and Security. *Thesis*, 1994, no. 5, pp. 107–134. (In Russian)
4. Belicheva S. A. *Fundamentals of preventive psychology*. Moscow, Redaktsionno-izdatel'skii tsentr konsortsiума Sotsial'noie zdorov'ie Rossii Publ., 1993. (In Russian)
5. Kiryushina M. A. Socialization of risk group teenagers in the socio-cultural conditions of the Stavropol territory. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2011, no. 20, pp. 135–138. (In Russian)
6. Muhamadeeva Z. F. Social problems of risk group adolescents and ways to solve them. *Vestnik Bashkirskogo un-ta*, 2007, no. 3, pp. 139–141. (In Russian)
7. Il'inskaya A. N., Kotova E. V. Emotional well-being of adolescents, brought up in the families at risk. *Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia sub'ekta deiatel'nosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, MGGEU Publ., 2019, pp. 77–83. (In Russian)
8. Kupriyanchuk E. V. Gender-role identification of at-risk adolescents. *Nauchnoe obozrenie: Gumanitarnie issledovaniia*, 2015, no. 4, pp. 69–76. (In Russian)
9. Weber M. *Selected Works*. Moscow, Progress Publ., 1990. (In Russian)
10. Weber M. *Economy and Society: Essays in Understanding Sociology: in 4 vols. Vol. 1. Sociology*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoli ekonomiki Publ., 2016. (In Russian)
11. Parsons T. *The Structure of Social Action*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2002. (In Russian)
12. Shyuts A. *Selection: A World Shining with Meaning*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2004. (In Russian)
13. *Guidelines for specialists in social work with young people and adolescents with deviant behavior*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe GBU Gorodskoi tsentr sotsialnikh program i profilaktiki asotsialnikh iavlenii sredi molodezhi "KONTAKT" Publ., 2018. (In Russian)
14. Zavalishin A. Yu., Kostyurina N. Yu. From anomie to supernormalization: young people searching for borders. *Uchenie zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta*. 2017, no. III-2 (31), pp. 91–96. (In Russian)

Received: February 28, 2020

Accepted: April 9, 2020

Author's information:

Boris S. Serdyukov — The Head of the Center for Training and Guiding Specialists;
serd_bv@mail.ru